

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Людмила Александровна Брусенская

*Профессор кафедры русского языка и культуры речи
Ростовского государственного экономического университета
(РИНХ), доктор филологических наук, профессор
E-mail: brusensk@yandex.ru*

Элла Германовна Куликова

*Профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических
дисциплин Ростовского института (филиала) Всероссийского
государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
в г. Ростове-на-Дону, доктор филологических наук, профессор
E-mail: kulikova_ella21@mail.ru*

Вербальная манипуляция (опыт распознавания) vs правовая культура*

Аннотация: статья посвящена анализу вербального манипулирования в публичной коммуникации. Целью статьи является лингвоюридическая интерпретация феномена вербальной манипуляции. Знание языковых средств, формирующих манипулятивный дискурс, сделает прозрачными механизмы манипулятивного воздействия, которое осуществляется с помощью СМИ. Предмет статьи – манипуляция, рассматриваемая в аспекте правовой культуры. Актуальность статьи связана с тем, что, хотя манипуляция с трудом поддается юридизации (в отличие от таких явных «вербальных» преступлений, как клевета, обман, диффамация), манипулятивные приемы должны рассматриваться в правовом поле. Правовая оценка языковых действий должна быть экстраполирована и на феномен манипуляции. Утверждается, что только исключение из современного коммуникативного пространства манипуляционной составляющей позволит утвердить настоящую правовую культуру, демократическую в полном смысле этого слова. Научная новизна статьи заключается в том, что феномен вербальной манипуляции исследуется с опорой на концептуальный арсенал юридической лингвистики.

Ключевые слова: речевое воздействие, убеждение, вербальная манипуляция, эвфемизация, правовая оценка, юридическая лингвистика.

Ljudmila Alexandrovna Brusenskaya

*Professor of the Russian Language and Speech Culture Department, Rostov
State University of Economics (RINKh – Rostov Institute of National
Economy) in Rostov-on-Don, Doctor of Philological Science, Professor*

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ (отделение гуманитарных и общественных наук) научного проекта № 18-012-00085.

Ella Germanovna Kulikova

*Professor of the Humanitarian and Social Economic Subjects Department,
Rostov Institute (the brunch) of All-Russian State University of Justice
in Rostov-on-Don, Doctor of Philological Science, Professor*

Verbal Manipulation (Recognition Experience) vs Legal Culture

Annotation: *the article is devoted to the analysis of verbal manipulation in public communication. The article is aimed to linguo-jural interpretation of verbal manipulation phenomenon. Knowledge of linguistic means which form manipulating discourse clarifies the manipulating influence mechanism realized by mass media. The object of the research is manipulation described through the legal culture aspect. The relevance of the research is caused by the fact that despite such visible “verbal” crimes as slander, deception, and defamation, manipulation is hard to be viewed through the law but manipulation devices must be treated through the legal area. Legal judgment of must be spread on manipulation phenomenon as well. The authors claim that real democratic (in the true sense of this word) legal culture can be approved by means of excluding manipulating element from communicative space. Scientific novelty of the article is specified by the fact that verbal manipulation phenomenon is learned on the base of conceptual arsenal of judicial linguistics.*

Keywords: *linguistic manipulation, persuasion, verbal manipulation, euphemization, legal judgment, jural linguistics.*

Современному человеку отведена пассивная роль в коммуникативном пространстве, и вследствие масштабности информационных потоков, обрушивающихся на него, он лишен способности к их активной переработке. Эта пассивная роль и задает сильную манипулятивную потенцию современным технологиям по отношению к среднестатистическому адресату. Вербальное (словесное) манипулирование часто бывает длительным и выступает в качестве многошаговой, сложной, поэтапной процедуры (как в случаях пропагандистских, информационных, а также рекламных кампаний) и одновременно в достаточной степени простым, разовым актом воздействия на реципиента в процессе межличностной коммуникации. Манипуляция создается благодаря использованию разнообразных лингвистических категорий и единиц, таких как иноязычные (без внутренней формы, немотивированные, безобразные) слова, тропы и эвфемизмы. Идентификация языковых особенностей манипулятивного дискурса сложна, поскольку в целом они входят в нормативную речевую практику. Те или иные грамматические формы и синтаксические построения, которые входят в арсенал средств манипулятивного дискурса, все-таки не составляют специфическую «манипулятивную грамматику», потому что те же самые средства используются и в других функциях. Однако важно определить языковые средства, характерные для манипулятивного дискурса.

Манипулятивность дискурса создается, в первую очередь, интенцией адресанта, скрытым воздействием на реципиента, коммуникативной ситуацией, социальным контекстом. Языковым воплощением манипулятивных интенций является эвфемизация. Под этим термином понимается совокупность достаточно разнородных явлений. Эвфемизм, с одной стороны, умеряет

и смягчает неприятное (как следует из традиции Квинтилиана), с другой стороны, посредством эвфемизма искажается описываемая действительность. Иногда эвфемизм используется для введения в заблуждение, для искажения картины действительности, это может быть расценено как манипулятивный прием. Использование эвфемизмов вообще не способствует ясности и изобразительности, их цель, скорее, состоит в том, чтобы замаскировать, скрыть, хотя бы частично, какие-то черты описываемого предмета или явления. Именно поэтому эвфемизмы являются мощным средством создания иронии, что, естественно, не связано с манипуляцией. В канун своего 85-летия в передаче «Монологи» 2 ноября 2015 г. на канале «Культура» Э. Рязанов назвал чиновника, пытавшегося запретить художественный фильм «Берегись автомобиля» (на том основании, что заразительная сила кино может привести к тому, что все начнут массово угонять машины), не мыслитель, — прекрасный эвфемизм, имеющий ироническое звучание. Иное дело — наименования типа зачистка, нецелевое расходование средств (вместо военная операция, хищение), которые искажают реальную картину, навязывают реципиенту точку зрения адресанта. Эвфемизм «зачистка», смягчает представление о явлении (вспомним положительное значение слова чистый, однокоренного с ним). С распространением, тиражированием в СМИ способность эвфемизма вводить в заблуждение, конечно, снижается.

Можно говорить о своеобразной моде на использование эвфемистических наименований и переименований: контртеррористическая и антитеррористическая операция, спецоперация (о штурме Грозного), чеченская кампания (война в Чечне), жертвы среди мирных жителей во время бомбардировок эвфемистически назывались издержками или ущербом, кроме того, использовались такие эвфемизмы, как превентивное вмешательство, защитная интервенция, либерализация цен, миротворцы и др. Вспомним рефлексю по поводу подобных эвфемизмов: «У кого больше армия, тот и миротворец».

Справедливо утверждение о закономерности тенденции к эвфемизации в функционировании языка политики вне зависимости от режима. К эвфемии прибегают как тоталитарные режимы, так и парламентские демократии. Однако специфичность воздействия на представление о мире связана с системой ценностей, принятой в том или ином обществе. И, как следствие, с помощью эвфемистического переименования формируются новые мифологемы, поддерживающие необходимый власти образ окружающей действительности и порядок.

К факторам, формирующим эвфемистические функции языковых единиц, относятся широкое лексическое значение (многозначные слова, с обобщенной семантикой легко используются для смягчения речи), а также не ассимилированные иностранные слова, имеющие неясную внутреннюю форму. Подобные языковые единицы отвлекают внимание реципиента, уведат его от объекта, способного вызвать отрицательную реакцию. Нейтральная или положительная коннотация при переименовании также нередко способствует сокрытию истинной сущности явления. Но если обычная эвфемизация, используемая при

переименовании, помогает адресанту избежать конфликта в коммуникации, то в результате намеренного искажения истины осуществляется манипулирование сознанием адресата.

В качестве средства манипуляции часто используются иноязычные слова, поскольку их внутренняя форма не ясна реципиенту, а прагматика и семантика чрезвычайно размыты. Манипуляторы вместо слов, имеющих в общественном сознании устоявшийся смысл, используют эвфемизмы, часто иноязычные. Наибольшее количество слов-агнотимов именно среди заимствований. Непонимание заимствованного слова или его квазипонимание — распространенное явление, охотно используемое манипуляторами общественным сознанием. Использование заимствований ведет к новым проблемам: например, к возникновению стилистических проблем, которые возникают в результате невключенности заимствований в систему литературного языка. Возникновение герменевтических проблем связано с неточным (неполным) пониманием значения заимствованной единицы. Слово приватизация в значении «присвоение (для себя)» образовалось от латинского слова *privatio* со значением «лишение, отнятие», но было неверно понято, что и отразилось с помощью синонимической аттракции прихватизация. То же самое произошло и с терминами суверенитет, секвестр, демократия, конституция. Они были неправильно истолкованы, а все истолкования — предвзятыми, потому что в них не учитываются ни система языка, из которого пришло заимствование, ни представления о важнейших культурных ценностях. Возникновение гносеологической проблемы связано с различными подходами к ментальному образу слова, а общекультурной — с тем, что проницаемость системы языка относительно заимствований ведет к преобразованию структурной основы менталитета русского человека. Например, при обсуждении бюджета вместо номинации сокращение используются номинации реорганизация, реструктуризация, рационализация, оптимизация бюджета. Посредством иноязычных слов происходит отстранение субстанционального значения вещей, что ведет к отчуждению индивида от мира реального и ведет в мир ирреальный. «Функцию «напускания тумана» выполняют малопонятные, малоизвестные широкой публике юридические, экономические, военно-технические термины, в основном построенные на латинских заимствованиях <...> Дополнительным фактором камуфлирования денотата в подобных случаях является их стилистическая маркированность — книжность, высокий стиль»¹.

В политическом дискурсе с помощью местоимения первого лица множественного числа — манипулятивного «мы» — происходит осуществление «игры в своего», что особенно характерно для предвыборных кампаний.

О. С. Иссерс² пишет о том, что упаковки продуктов содержат тексты, в которых применяются нетранслитерированные названия иноязычных ингредиентов с целью вуалирования, маскировки негативных ассоциаций:

¹ Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М., 2004. С. 196.

² См.: Иссерс О. С. Текст на упаковке продукта: когнитивно-прагматический анализ // Русский язык сегодня. Вып. 2 : сборник статей / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2003. С. 460.

термофильный стрептококк *St. Thermophilis*, болгарская палочка заменяется на *Lb. Bulgarius*. Такой способ ведет именно к манипулированию сознанием потребителя, покупателя, но, к сожалению, такие случаи редко анализируются в правовом поле.

Как отмечает Н. Д. Голев, «исключительно важна юрислингвистическая и лингвоюридическая разработка вопросов, связанных со специально организованным суггестивным функционированием языка, манипулированием языковым механизмом для достижения тех или иных (далеко не всегда благородных и законных) целей. Политика (выборы, пропаганда), реклама (псевдо), психотерапия — вот далеко не полный перечень сфер возможного нечестного использования языка. Юрислингвистический и лингвоюридический аспекты каждой из этих сфер образуют особые подсистемы, требующие специальных теоретических и научно-практических разработок»¹.

«Актуальность приобретает анализ текстов, смысл которых не очевиден. Проблема заключается в том, что применяемый сегодня в судах анализ оспариваемого текста, как правило, ограничивается ссылками на толковый словарь русского языка или здравый смысл. В действительности, если мы ожидаем от судебного решения справедливости, адекватности и законности, то очевидно, что метод анализа должен соответствовать его предмету»². Иначе говоря, традиционные методы, основной из которых — дефиниционный анализ с помощью словарей, должны быть дополнены анализом пресуппозиционных компонентов, учетом намерений отправителя текста (с целью выявления отрицательной интенциональности).

Квалификация манипулятивных приемов объективно сложна именно потому, что связана с перенесением проблемы в сферу интенций. По этому поводу Т.-Х. Томмола пишет: «Трудно представить себе, чтобы языковед мог убедительно доказать, что “имел в виду” говорящий, употреблявший то или другое слово или выражение»³. По мнению В. Н. Базылева, «доказать умысел предельно трудно, и юрислингвистика (как теоретическая, так и практическая) пока не готова к обоснованию принципов анализа значимостей внутренней формы вообще и в инвективной ситуации в частности»⁴.

Все большее распространение манипулятивных приемов доказывает необходимость введения правовых механизмов, способных регулировать их использование с опорой на систему права. Использование манипулятивных приемов позволяет избежать разоблачения и, соответственно, применения санкций в рамках правового поля. Если все-таки прямая ложь (клевета) поддается распознаванию, то те же самые приемы могут быть применены (хотя, скорее, с не меньшими, а даже с большими усилиями) для разоблачения манипуляции,

¹ Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы. Барнаул, 1999. С. 28.

² Войниканис Е. А. Язык СМИ: правовые проблемы // Язык средств массовой информации : учеб. пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. М., 2008. С. 322.

³ Томмола Х.-Т. Лингвистика на службе права: что предусмотрено языком? // Слово в тексте и словаре : сборник статей к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна. М., 2000. С. 514.

⁴ Базылев В. Н. Общее языкознание. М., 2007. С. 261.

«полуправды». Поскольку семантическая деструкция в качестве манипулятивного приема оказывает негативное воздействие на участников избирательной кампании, она должна быть исследована юридической лингвистикой и рассмотрена в рамках закона.

Положение Р. Блакара о языке как средстве осуществления социальной власти основано на шести позициях, благодаря которым становится возможным управление восприятием адресата. Оно связано с тем, какие выбраны и созданы слова и выражения; какая последовательность выбрана при их применении; каковы суперсегментные (паравербальные) единицы и имплицитные предпосылки. В фокус внимания аудитории попадают именно те вопросы, которые находятся в средствах массовой информации, т. е. с помощью задаваемых специально проблем и тем для восприятия структурируется картина мира. Для канализации отрицательных эмоций выбирается объект, безопасный для манипулятора.

Осуществимость того, что манипуляция сможет квалифицироваться в качестве преступления, зависит от скрупулезной, длительной работы юристов и филологов. Правовую оценку языковых действий как объекта новой междисциплинарной области, которая находится на стыке исследований юриспруденции и лингвистики, — юридической лингвистики, необходимо экстраполировать на манипулятивную стратегию. Разрешение конфликтов в рамках правового поля осложнено ввиду неразработанности и несистематизированности проблем, связанных с манипуляцией, заложенной в самом языке. Необходим специальный словарь, в котором будет представлено описание манипулятивных приемов и техник, а также концепция юридических механизмов, учитывающая в том числе стихийные процессы, происходящие в языке, систему правовых норм.

Как возможно диагностировать прямой обман, так возможно диагностировать (хотя это гораздо сложнее) и манипуляцию. Манипуляция нередко отождествляется с обманом. Однако эти понятия разводятся на основании противопоставленности различным типам истины — гносеологической и онтологической. Гносеологическую истину определить гораздо сложнее, потому что ее установление требует анализа того влияния, которое оказывает высказывание (текст) на адресата. Всю степень сложности подобной процедуры можно увидеть на примере с рекламой: одни потребители оказываются под ее существенным влиянием, т. е. манипулируемыми, а других рекламные ухищрения не затрагивают — их критическое отношение остается неизменным.

Достаточно хорошо известны и описаны манипулятивные приемы, используемые в языке политики, например «ложные версии противостояния», в связи с манипулятивными стратегиями говорят о «мозаичном информировании о выборах», «обнародовании информации с двойным смыслом», «имитации предвыборной интриги», «некорректных исторических и социальных параллелях», «манипулировании рейтингами», «выдвижении драматизированной альтернативы», «намеренном распространении слухов», «предварительном объявлении результатов голосования» и др. Будучи перечисленными и поименованными, эти приемы, в конце концов, должны стать осуждаемыми в цивилизованном обществе.

Нередко высказывается мнение, что манипуляция в поведении неизбежна и является необходимым инструментом и атрибутом любой власти. Манипулирование вовсе не облигаторно: оно есть показатель незрелости гражданского общества. Г. Г. Хазагеров полагает, что политическая манипуляция пагубна как для власти, так и политиков: «Власть должна сама открывать клапаны правды, не дожидаясь того, когда это сделает новая власть в своем надгробном слове о старой»¹.

Манипулирование является разрушительным, деструктивным явлением, в нем не могут быть заинтересованы ни общество, ни отдельные его представители. Только исключив из современной коммуникативной практики манипуляционную составляющую, общество сможет утвердить настоящую правовую культуру, демократическую в полном смысле этого слова.

Пристатейный библиографический список

1. Базылев, В. Н. Общее языкознание / В. Н. Базылев. — М. : Гардарики, 2007. — 285 с.

2. Войниканис, Е. А. Язык СМИ: правовые проблемы // Язык средств массовой информации : учеб. пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. — М. : Академический проект : Альма Матер, 2008. — С. 316–326.

3. Голев, Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы. — Барнаул, 1999. — С. 11–58.

4. Иссерс, О. С. Текст на упаковке продукта: когнитивно-прагматический анализ // Русский язык сегодня : сб. статей. Вып. 2 / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; отв. ред. Л. П. Крысин. — М. : Азбуковник, 2003. — С. 455–464.

5. Томмола, Х.-Т. Лингвистика на службе права: что предусмотрено языком? // Слово в тексте и словаре : сборник статей к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна. — М. : Языки русской культуры, 2000. — С. 512–520.

6. Хазагеров, Г. Г. Партия, власть и риторика / Г. Г. Хазагеров. — М. : Европа, 2006. — 48 с.

7. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. — 326 с.

References

1. Bazylev, V. N. Obshchee yazykoznanie [General linguistics] / V. N. Bazylev. — M. : Gardariki, 2007. — 285 p.

2. Vojnikanis, E. A. YAzyk SMI: pravovye problemy [Mass Media language: legal issues] // YAzyk sredstv massovoj informacii : ucheb. posobie dlya vuzov / pod red. M. N. Volodinoj. — M. : Akademicheskij proekt : Al'ma Mater, 2008. — P. 316–326.

3. Golev, N. D. YUridicheskij aspekt yazyka v lingvisticheskom osveshchenii [Jural aspect of a language through linguistic approach] // YUrislingvistika-1. Problemy i perspektivy. — Barnaul, 1999. — P. 11–58.

¹ Хазагеров Г. Г. Партия, власть и риторика. М., 2006. С. 32.

4. Issers, O. S. Tekst na upakovke produkta: kognitivno-pragmaticeskij analiz [Textual message on a product package: cognitive pragmatic analysis] // Russkij yazyk segodnya : sb. statej. Vyp. 2 / RAN. In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova ; otv. red. L. P. Krysin. – M. : Azbukovnik, 2003. – P. 455–464.

5. Tommola, H.-T. Lingvistika na sluzhbe prava: chto predusmotreno yazykom? [Linguistics serves law: what is prescribed in a language?] // Slovo v tekste i slovare : sbornik statej k 70-letiyu akademika YU. D. Apresyana. – M. : YAzyki russkoj kul'tury, 2000. – P. 512–520.

6. Hazagerov, G. G. Partiya, vlast' i ritorika [Party, power, and rhetoric] / G. G. Hazagerov. – M. : Evropa, 2006. – 48 p.

7. SHEjgal, E. I. Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse] / E. I. SHEjgal. – M. : ITDGK «Gnozis», 2004. – 326 p.